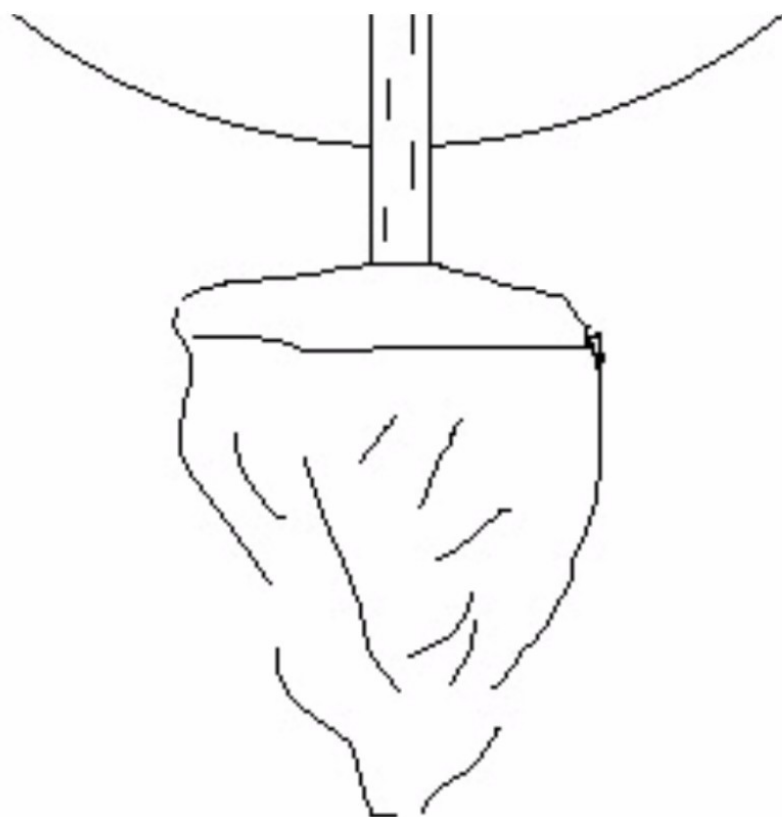
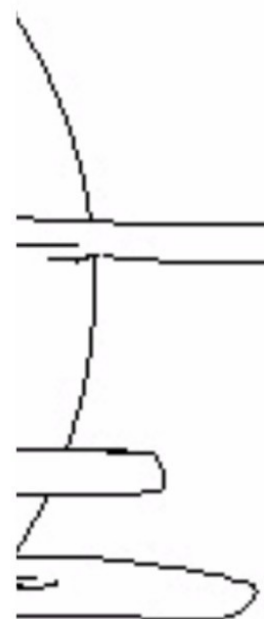

Анджей Беловранин

Последний зеленый лист

Анджей Беловранин
Последний зеленый лист

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Беловранин А.

Последний зеленый лист / А. Беловранин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Реалистическая повесть в альтернативной условно средневековой вселенной. В основе повествования – становление героя, «аколита» по имени Пенига. Будучи в начале книги скромным средневековым «аспирантом», без особых амбиций работающим над своей диссертацией, Пенига оказывается вовлеченным в водоворот политических событий молодой Республики, а к концу становится одним из потенциальных лидеров сопротивления наступающему социальному хаосу и диктатуре.

Моей любимой жене и бессменному редактору Екатерине "Мурке" Колесовой. Спасибо за все, солнышко!

"Сеятель же пусть сеет без оглядки, ибо не в скором времени доведется ему узреть плоды трудов своих"

Из "Поучений" святого Идерио-Бениги

1.

Был дождь. Уже несколько дней в городе и предместьях царил дождь, каждой каплей утверждая конец света и тепла, и золотых деревьев среди струй гордого ветра. Впереди была долгая мрачная осень; и холодная зима.

Неделю назад солнце спряталось за горизонтом, да так и не вернулось. И то, что каждое утро небо, закованное в глухие доспехи туч, начинало слабо светиться, не могло служить доказательством существования дневной звезды.

Дождь смывал пыль и грязь со стен и крыш, и город словно бы растворялся, растекался, разваливался, как замок, построенный из песка – но, в отличие от песчаного замка, не исчезал полностью.

Вода была везде, но узкие кривые улочки не превращались теперь, как еще лет десять назад, в застойные болотные лужи: да здравствует дренажно-канализационная система Республики!

Аколит Пенига зашел под длинную арку Трициркула, и сразу зарядил такой силы дождь, что он решил задержаться и подождать немного. Арка была изогнутая, так что с одного ее конца был виден только самый краешек конца другого, поэтому же внутри было особенно темно.

Пенига хлюпнул носом, чувствуя, что вездесущая вода проникла даже в шарф, закрывающий лицо, а ведь тот надежно укрыт от дождя капюшоном. Он стоял у самой границы мокрого царства и думал, что ливень такой силы не может длиться долго...

– Как задолбала эта серость! – аколит обернулся: рядом с ним остановился его товарищ, неофит Урира.

– Серость?

– Ненавижу дождь, – пояснил свою мысль Урира.

– А-а, – равнодушно протянул Пенига и вдруг почувствовал легкий укол... разочарования, что ли? И тут же захотелось загладить это перед самим собой – словно откуда-то вполз неведомый стыд.

– Сейчас это разве дождь! Вот в год Стены были такие осенние дожди, несколько недель не прекращались, – возможно, излишне сердечно заговорил аколит, – и в конце концов...

– Знаю, знаю я эти байки, – со смешком перебил его Урира. – Сто раз уже слышал про переливающиеся через край выгребные ямы и размытые могилы. Наш прозелит по истории все уши прожужжал: «Могилы, размытые дождем... Полусгнившие трупы плавали по улицам города... Эпидемия чумы!..»

– Ты так говоришь, будто все это старые сказки. Но это было на самом деле. Ты слишком молод, чтобы помнить...

– Подумаешь, ты будто намного старше! – уязвлено заметил неофит. – Тебе лет двадцать пять, не больше.

– Двадцать семь, вообще-то.

– Двадцать семь? – присвистнул Урира, опустив вниз уголки губ. – И ты все еще в аколитах? Ты что, чем-то декану не потрафил?

Общий дух университетского братства давал возможность открытого, неформального общения практически всех со всеми; но все же излишняя фамильярность студентов по отношению к преподавателям не поощрялась. Аколиты же были чем-то средним между теми и другими, поэтому неофиты чаще всего намеренно вели себя с этими старшими товарищами запанибрата, чтобы не прослыть рохлями. Само собой, аколиты отвечали на это со снисходительным превосходством: они сами совсем недавно были на этой же, первой ступени университетского братства и прекрасно понимали чувство неуверенности, которое неофит пытается скрыть за излишней бравадой.

Между тем дождь немного сдал, и Пенига, кивнув Урире вместо ответа, быстро зашагал по Трициркулу в сторону университетской библиотеки.

2.

Здание библиотеки до свержения Последнего монарха служило столовой одного из множества монастырей Трициркула. С началом Эпохи регентства Тридцати чуть не половина домов церковного округа была передана университету, ранее ютившемуся в одном-единственном стареньком двухэтажном особнячке эпохи императора Рампсинита.

Обеденный чертог, в котором двадцать лет назад бодро стучали ложками монахи, стал теперь, пожалуй, самым тихим местом во всем Мемфисе – читальным залом. Под страхом исключения из университета здесь запрещалось не только громко разговаривать, но и скрипеть стульями по дощатому полу, о чем оповещала висевшая при входе строгая надпись. Правда, как догадывался Пенига, это был скорее способ держать в узде излишне непоседливых неофитов, чем реально действовавшее правило: никого ни разу за все время существования университета за громкий разговор в читальном зале не исключили – достаточно было лишь гневного одергивания хранителя библиотеки, чтобы прекратить самую неистовую возню разыгравшихся студентов.

В кампусе упорно ходила легенда о том, как однажды невезучий неофит второго круга, корпевший в читальном зале над трудами Борреция, обжегся, поправляя свечу, и вскрикнул – и за это получил запрет на пользование библиотекой на 33 дня. Из поколения в поколение старшие неофиты в красках описывали вновь прибывшим бесстрастное лицо и замогильный голос ректора, выносившего приговор преступнику.

Однако никакого упоминания об этом событии в университетских хрониках Пенига не встречал. "А это что-нибудь да значит", – подумал он, раскрывая тяжелый ин-фолио 14 тома Имперской истории, привычно стараясь потише шуршать страницами. Аcolит проштудировал уже все хроники университета и значительную часть прочих исторических сочинений в работе над диссертацией "Влияние мифов о временах поздней Империи и Последнем монархе Псамметихе IV на исторический дискурс Эпохи Регентства".

Сквозь высокие стрельчатые окна читального зала едва сочился серый свет, и тяжелые капли дождя ручейками стекали по узким стеклам. Над каждой конторкой, где работали студенты, преподаватели и монахи, горела свеча или керосиновая лампа – изобретение недавнего времени.

Пенига углубился в чтение книги, рассказывавшей о деяниях императора Асихиса, время от времени делая выписки на тонком, ломком листе бумаги. 14-й том Имперской истории был завершен прозелитами Факультета гуманитарных искусств одиннадцать лет назад, на восьмой год после свержения Последнего монарха. С внимательностью рыбака, наблюдающего за кроткими движениями поплавка на безмятежной глади воды, выискивал аcolит любое допущение, каждый странный логический ход или слабо доказанный факт в огромном труде. Но натренированный долгими упражнениями разум позволял части его сознания одновременно блуждать собственными тропами.

И нестреноженная мысль его, сумбурно прыгая от вчерашней куропатки в сливочном соусе к чудесным ножкам и улыбкам торговек Квинквециркула, неведомым путем добралась до поразительных способностей Тридцати Регентов, по сравнению с которыми его собственные сметливость, живость ума и склонность к неожиданным выводам казались неуверенными размышлениями малого ребенка или даже очень прозорливого пса.

Это, ставшее для него уже привычным, но все еще будоражащее сравнение, заставило Пенигу даже на минуту отложить стило. Он вдруг ярко представил себе этих молодых людей в поре расцвета, которых не звали тогда ни Регентами, ни даже Тридцатью. Перед его мысленным взором они неслись на легких скакунах по озаренной солнечными бликами лесной дороге, и длинные волосы выбивались из-под шлемов, разметываясь на ветру.

Они были тогда всего лишь школярами, выпускниками таинственного ликея Учителя Тадорума. Никто и подумать не мог, зачем на самом деле Тадорум – один из самых могущественных оптиматов Дуоциркула – вдруг покинул столицу Империи и, набрав в приютах, бедных кварталах и нищих деревнях несколько десятков никому не известных пацанов семи-восьми лет, уединился с ними на своей вилле. Пенига хорошо мог себе представить, какие скабрезные шуточки отпускали в то время праздные оптиматы насчет этой неожиданно проявившейся "любви к мальчикам"... но они и не догадывались, насколько далеки были от истины.

Двенадцать долгих лет Тадорум воспитывал и обучал ликеистов, прибегая к помощи лучших профессионалов своего времени из самых отдаленных уголков Империи и даже из-за ее пределов – специалистов в весьма неожиданных областях. Их учили философии и схоластике и риторике, географии и истории, медицине и астрономии, фехтованию, верховой езде и стрельбе из лука, карманному воровству и грязному рукопашному бою, музыке, танцам и живописи, ремеслам ткача, гончара, кузнеца и плотника, крестьянскому труду и искусству банковской двойной бухгалтерии, поэтике и анатомическому устройству живых существ...

Постепенно Тадорум отсеивал недостаточно одаренных или тех, кто не проявлял должного усердия, так что к концу двенадцатого года обучения в его ликее осталось тридцать четыре молодых человека – самых умных, сильных, ловких и образованных во всей Империи. "Гвардия ликеистов" – как назвал их много позже один поэт-славослов.

Но главное, что привил Тадорум своим воспитанникам – это любовь к правде и справедливости, к добру, и к странной идее теолога Михаила – идее о том, что все люди сотворены Великим и Единым равными, и каждый человек достоин бережного и милосердного отношения.

Возможно, Учитель хотел сам возглавить славные деяния Тридцати, но судьбе было угодно уготовить ему печальную участь – Тадорум не смог лицезреть в полной мере плоды трудов своих. В год Птицы, в четырнадцатое лето правления императора Псамметиха IV, позже прозванного Последним монархом, он скоропостижно скончался от пневмонии.

В день похорон Учителя на его отдаленной вилле Четырех ручьев воспитанники вскрыли и прочли его завещание. И тем же вечером, споро снарядившись в дорогу, понеслись в столицу на резвых скакунах.

Пенига снова представил кавалькаду всадников в легких кольчугах, вооруженных пиками и мечами, к седлу каждого из них был приторочен клевец, лук или шестопер. И закатное солнце бросало на их лица неверные блики сквозь могучую листву придорожных лип.

Город не был готов к встрече тридцати четырех героев, тридцати четырех братьев-поэтов, въехавших в него тихо в предутренней мгле. Мемфис спал, и стража у Королевских ворот не обратила на них никакого внимания – лишь двум охранникам, клевавшим носом у опущенного моста, щедрой горстью отсыпали Глорен и Боливар звонкого серебра, чтобы предотвратить ненужные расспросы.

Императорские гвардейцы не смогли остановить их у открытых ворот Алого Замка. Словно вихрь, смели они пятерых, державших стражу у въезда, а когда тяжеловооруженные

пехотинцы выскочили из сонной караулки, было уже поздно: Тридцать четыре, бросив своих коней, спешили вверх по лестнице Векового дворца. Несколько стражников у его тяжелых резных дверей в ужасе разбежались, освободив проход.

Семеро капитанов гвардии – личных телохранителей Псамметиха IV – встретили витязей на пороге покоев императора. И пали в быстрой схватке, забрав с собой Понтерия и Пердикку; братья посчитали, что Корнелий также мертв, но он был лишь тяжело ранен, и впоследствии оправился.

Слуги императора побоялись преградить путь героям, и отступили в сторону. Тогда Тридцать один, вошедшие в монархии покои, судили Псамметиха IV от имени Великого и Единого, от имени свободных людей новой Республики, и приговорили его к смерти за многочисленные преступления перед собственным народом, и привели в исполнение приговор.

Гвардейцы, ворвавшиеся вслед за тем в двери покоев, остановились, пораженные случившимся. Столь величественны были Тридцать один, Свершившие Суд, столь исполнены благородства и права, что испытанные в боях ветераны не решились напасть на них. Столь уверенны и справедливы были их речи, что впервые в жизни солдаты открыли уши и стали слушать.

Когда Тридцать один вышли навстречу утреннему солнцу, у могучей парадной лестницы Векового дворца собралась уже почти вся Гвардия – полторы тысячи воинов. И безмолвствовали, пока говорили герои.

Они говорили о заре нового мира, о свободе и братстве, о любви и мире. Многие латники клялись потом, что яркие лучи сплетались в нимбы над их головами, а кровь на их мечах казалась пылающим огнем.

Лишь один человек выступил против них – могучий воевода Ардуна, дальний родственник императора. Назвав их грязными мятежниками, цареубийцами и предателями, бросился он в бой, но ни один солдат не последовал за ним. Ардуна поразил Самогена мечом в лицо, и в тот же миг Антон ударил его в плечо шестопером, а когда Ардуна пал на колени – снес ему голову.

В тот же день на улицах волнующегося Мемфиса был зарезан Вукила: неизвестный в одежде простого пополана выскочил из толпы и несколько раз ударил героя ножом. Как говорят, толпа тут же растерзала убийцу.

Таким образом, когда выяснилось, что Корнелий жив и пришел в себя, их осталось Тридцать. Тридцать Регентов – так они называли себя, ибо в первый же день объявили, что не ради власти осудили и казнили они Последнего монарха, а во имя справедливости. И что, когда народ народившейся Республики будет готов – они отдадут ему право самому распоряжаться собой на вечные времена.

Так сладки были их обещания, и так велика поддержка пополанов и армии, что ни один оптимат не решился открыто выступить против Тридцати. Семье императора – его двум женам и четверем несовершеннолетним детям – не чинили препятствий, когда они решили покинуть пределы бывшей Империи и обосноваться на Подлунных островах. Но разрешили взять с собой лишь самую скромную часть бесчисленных богатств Псамметиха IV.

Это случилось девятнадцать лет назад. Пенига почти не помнил, какой была жизнь до свержения Последнего, но видел, как быстро и необратимо менялось все вокруг, пока он был ребенком, затем подростком, юношей и, наконец, мужчиной.

Каждый из Тридцати Регентов встал на свою стезю в управлении и реформировании Империи. Полидевк оказался верховным судьей, Кастор занялся перестройкой Мемфиса, Антон курировал столичный университет, Боливар взял на себя командование армией Республики, а Реомюр принялся приводить в порядок одряхлевшие дороги бывшей Империи.

И первые годы не было предела восторгу пополанов, когда деньги, ранее уходившие на содержание двора Последнего монарха и его изысканные развлечения, серебряным дождем хлынули на устройство жизни для всех и каждого.

Непросто было решить, как поступить с рабами, десятки тысяч которых освободили от убийственного труда в каменоломнях, шахтах и на грандиозных стройках во славу императора. К счастью, многие из них когда-то были свободными людьми и попали в рабство за долги, либо были пленными, захваченными в бесконечных войнах, которые вел Последний монарх со своими соседями. Этим просто отпустили по домам, и они смогли хоть как-то устроиться. Те же, кто родился в рабстве, попали в ведение регента Николая, который пытался обеспечить их существование, помогая им строить общинные дома и организуя ныне свободных людей в рабочие артели.

Раз в год собирался Конклав Тридцати, где обсуждали самые важные решения в государстве. Да еще трижды пришлось им собираться до срока – один раз из-за Короткой войны с Торговым союзом, другой – из-за мятежа Валерия, и третий – когда жестокое землетрясение почти полностью разрушило город Саис.

Первыми из Тридцати принято было считать Нестора, Дария и Аракса, которые занимались разработкой законов Республики, вступавших в силу только после единогласного утверждения всеми регентами. Идеи для законов стекались к ним от всех Тридцати, сталкивавшихся все с новыми и новыми проблемами. Но главным в работе Первых Трех считалась разработка Конституции. Объявлено было, что Конституция вступит в силу, только когда будет принята, принята и одобрена не менее чем девятью из каждых десяти граждан Республики. С этого момента власть перейдет ко всему народу – и станет осуществляться так, как это будет указано в Конституции. Регенты уже предложили несколько разных способов управления, и одно время они жарко обсуждались во всех корчмах Республики. Каждый становился то на одну, то на другую сторону, и разногласия доводили пополанов порой до драк и даже поножовщины. И все для того, чтобы на следующий день помириться и вдруг встать на полностью противоположную точку зрения. Пенига, еще будучи подростком, заметил, что его родитель – каменщик Рута – менял политические взгляды три-четыре раза в месяц – в зависимости от того, какого курса придерживались в данный момент его друг бондарь Фугет и заклятый враг – каменщик-конкурент Копозела.

Как относились к предложениям регентов оптиматы, Пенига не знал, потому что не входил в их круг, а сами оптиматы не спешили делиться с чернью – новоявленными свободными гражданами Республики – своими мыслями.

Но через несколько лет даже самые лихие спорщики охрипли и постепенно интерес к формам правления как-то заглох – как и к Конституции вообще, и ко всему, что предлагали регенты. "Крутят, мутят, а чего хотят – не понять", – в раздражении ворчал Рута, возвращаясь из корчмы навеселе, но в невеселом расположении духа.

И постепенно радостное ожидание того, что жизнь вот-вот навсегда переменится, и наступит рай земной, перегорело, а на смену ему пришло серое, пустое разочарование.

Пенига вздохнул и, попытавшись отогнать от себя нечаянно нахлынувшие печальные мысли, углубился в описание славных и чудовищных свершений императора Асихиса.

3.

Когда Пенига почувствовал, что глаза начинают слипаться, и деяния древних нороят смешаться в его голове в какую-то липкую постную кашу, он отложил стило, спрятал бумаги в свою конторку и сдал ин-фолио хранителю. После чего, натянув поглубже капюшон плаща, вышел на сереющую улицу. Но оказалось, что дождь ненадолго перестал, и улицы города немного оживились.

Свернув направо по улице Сердоликов, Пенига вступил в Кватроциркул – округ, в котором издревле селились купцы, мастера гильдий, среднее духовенство, имперские чиновники и прочие зажиточные горожане, а также бедные оптиматы, которым не хватило средств на то,

чтобы приобрести особняк или хотя бы квартиру в престижном Дуоциркуле, среди патрициев и банкиров.

Город делился на семь округов, вложенных один в другой. Они были разделены круговыми улицами – циркулами, каждая следующая охватывала столицу все более широким кольцом.

Когда-то каждый из семи округов был отделен от другого круговой стеной. Первое, что постановил регент Кастор, взявшийся сделать Мемфис достойным славного звания столицы Республики – приказал снести древние барьеры, слишком материально разделявшие касты имперского общества. На месте стен проложили широкие улицы, которые стали называть так же, как округа, которые они опоясывали.

На высоком Капитульном холме, внутри Уноциркула, все так же возвышались Алый замок и Вековой дворец; в них работали, принимали просителей и вели суд те из Тридцати регентов, что остались в столице – но ни один из них не занял императорские покои, и Тридцать поселились в разных местах столицы, в каждом из округов, включая трущобы Септоциркула – чтобы своим примером показать: старые сословные границы отжили свое.

Вскоре Пенига пересек круговую улицу Кватроциркула и вступил в следующий округ – Квинквециркул. Богатые каменные дома зажиточных буржуа сменились бесчисленными ремесленными мастерскими, рынками, магазинами и харчевнями. Здесь жили и работали хозяева и управляющие лавок, и ни на минуту, ни днем ни ночью не утихала торговля. Купить воз сена, сотню голов скота или яблоко – на всякий спрос здесь имелось предложение. Разрезающая город от центра до окраины улица, по которой шел аколит, здесь поменяла название – из Сердоликовой став улицей Каретников.

Увернувшись от двух особенно приставучих лоточниц, одна из которых норовила всучить "красавцу студенту" леденец на палочке, а другая – пинту кваса, Пенига покинул Квинквециркул. Он вошел в Сиксциркул – квартал из крепких, но небогатых домиков, построенных частью из камня, а частью из дерева. Некоторые совсем покосились, другие, наоборот, щеголяли свежей яркой краской. Здесь жили горожане средней руки: небогатые торговцы, ремесленники, работавшие в мастерских Квинквециркула, чиновники низшего ранга, студенты и преподаватели университета, не желавшие ютиться в общежитиях Трициркула и достаточно состоятельные, чтобы купить дом или снять квартиру.

По крепкому каменному мосту Пенига пересек небольшую речку Стюр, когда внимание его привлекла громкая компания пьяных пополанов, выкатившихся из трактира "Герцогиня и пастернак" – одного из самых знаменитых в Сиксциркуле. Они не в лад орали ставшую очень распространенной в последнее время песенку "К дьяволу и к дьявольской матери". Пенига не относил себя к ценителям этого произведения кабацкого искусства и неосознанно перешел на другую сторону улицы Каретников.

– Э, образованный! – выбился вдруг один голос из общего нестройного хора. – Чего нос воротишь, образованный!

Пенига молча шел мимо, изо всех сил стараясь не ускорять шага – врожденное чувство самосохранения подсказывало, что, стоит хоть чуть-чуть выказать страх – и эта свора дружно набросится на него: начнет улюлюкать и поносить на чем свет стоит... это в лучшем случае.

– Истинно говорю вам, братья, грядут последние дни! – вдруг зарядил, перебивая пение, один менее пьяный, чем другие, голос. – Все знамения на то: третьего дня из Дальнего озера раздался дьявольский рев, как будто бы мычание, и тут же вода в Хамиловом источнике, который отродясь был чист, как слеза, сама собой наполнилась кровью... Люди рассказывают, еретики, сектанты дьявольские, отравили святую воду своими миазмами. Самые что ни на есть черные знамения!

Мимо расхлябанной походкой плелись два сытых стражника, как на посохи, опиравшиеся на алебарды. Они ни на кого и ни на что не обращали внимания.

Вскоре пьяная компания осталась позади, и последний стих, достигший ушей Пениги: "...а пошли вы все, козырные, к дьяволовой маме", – растворился в городском шуме. Наконец, аколит пересек последнюю круговую улицу – Сиксциркул – и вошел в бедные кварталы Мемфиса.

Этот округ, видимо в насмешку, назывался Септоциркул. В отличие от центральных округов, он никогда не был огорожен стеной. Бедняцкие трущобы, в которых жили слуги и служанки, проститутки, трубочисты и золотари, бедные ремесленники и нищие – выходили прямо в леса, поля, пустыри, свалки и болота. Дальше, в нескольких лигах от границ столицы, начинались богатые предместья.

Среди проектов регента Кастора с самого начала значился вызвавший у горожан недоверие пункт: обнести Септоциркул дорогой и общегородской стеной. Но он так никогда и не был выполнен – то ли денег не хватало, то ли рвения.

В одном из дворов Септоциркула, на втором этаже трехэтажной развалюхи, последние три десятка лет жила семья Пениги – его отец Рута приехал в столицу с молодой женой Олией, полный самых честолюбивых планов. "В столице всегда нужны будут каменщики, а я овладел самыми тонкими тонкостями этого ремесла", – уверенно говорил он, и Олия послушно соглашалась. Они поселились в Септоцирукле "лишь на первых порах" – да так и задержались здесь на всю жизнь.

Рута поначалу действительно начал неплохо зарабатывать и откладывать деньги – да только на пути прежних великих замыслов неожиданно встали дикие соблазны столицы. Поначалу Рута еще пытался не прогуливать в кабаках все, что добывал нелегким трудом, но когда на свет появился Пенига, и "в семье образовался лишний рот" – любые попытки прорваться в высшие круги жизни стали казаться молодому каменщику бесполезными.

К счастью, Рута оказался не таким уж плохим отцом. Он души не чаял в своем сынишке и всегда считал его не по годам смышленным. "Глядишь, выбьется в писари", – хвастался Рута собутыльникам, хотя сам, пожалуй, не верил в свои слова.

И когда вскоре после свержения Последнего монарха регент Антон объявил об учреждении государственных стипендий для одаренных молодых граждан Республики, желающих обучаться в университете – Рута сам предложил Пениге попытать счастья.

Пенига, не умевший даже толком читать и считавший только на пальцах, умудрился успешно пройти собеседование у старенького прозелита, смотревшего на смущенного мальчугана пронзительными хитрыми глазами и неизвестно каким чудом узревшего в неуче из бедняцкого округа какой-то потенциал. К своему стыду, Пенига не запомнил имени того прозелита, и больше его в университете не встречал – должно быть, годы взяли своё.

Конечно, сразу в неофиты Пенигу не взяли – сначала он стал школяром и прошел ускоренное обучение в школе грамоты, и только через полтора года был зачислен на первый круг...

Рута умер два года назад от беспробудного пьянства. К счастью, Пенига к тому времени уже сдал экзамен на аколита и вместо нищенской стипендии стал получать какое-никакое жалование. Так он смог помогать матери, той даже не пришлось переезжать в жилье подешевле. Хотя она и удивлялась – куда ей теперь две комнаты, если муж помер, а сын предпочитает жить в университетском общежитии Трициркула, поближе к своим инкунабулам...

Пениге лишь изредка удавалось выкроить вечерок, чтобы навестить старушку. Он поднялся по наружной лестнице на второй этаж родной развалюхи и постучал в дверь.

– Сынок! – улыбнулась Олия, и ее до срока постаревшее лицо расплылось в улыбке. – Заходи скорее, весь промок... У меня как раз осталось немного твоего любимого пирога с грибами.

Стоило скрипучей двери затвориться за его спиной, как холодный дождь зарядил с новой силой.

4.

В темном подвале таверны "Девятый змей" много лет назад поселились гул и чад. Философ-схоласт Менакул, на всякий случай сожженный на костре испуганными братьями-монахами двести лет назад за ересь, вывел бы, что именно противоестественный союз этих двух метасуществ – Гула и Чада – породил жуков, время от времени пробегающих по стенам и столам. Копоть от ламп словно вторгалась в тембр голосов, делая их более грубыми, хрипящими, угрожающими.

Аколит Пенига, время от времени прихлебывая тяжелое пиво из большой глиняной кружки с щербатыми краями, слушал спор ученых мужей. Спорили, как всегда, «о природе вещей» вообще и «о природе человека» в частности. Как будто что-то еще может по-настоящему волновать ученых мужей.

– Лишь частный случай! — уже почти зло кричал прозелит Либет. – Частный случай, и ничего более, р-р-разлюбезный мой брат Куника!

– Не рычи, «разлюбезный мой», – глухо, как из бочки, ответил Куника – куратор Пениги в его исследованиях. – Любой частный случай в храме вселенной есть часть целого, кирпичик храма, без которого все целое непременно пало бы прахом.

Либет и Куника слыли старыми друзьями – как будто были они не разлей вода еще со времен, когда оба были неопитами, и как будто много неприятностей доставили своему декану разными дикими проделками, свойственными университетскому юношеству. Дружба их являлась для окружающих фактом непререкаемым – потому что при том, как Либет и Куника ругались и ссорились каждый раз, стоило им оказаться поблизости, лишь истинно крепкая дружба могла быть объяснением тому, что ни разу дело не дошло не только до дуэли, но и до потасовки. Хотя злые языки находили этому более простое объяснение: мол, Куника просто не решался брать грех на душу, ибо был он широк в плечах, высок и грузен, в то время как Либет был, напротив, крайне мал ростом и тщедушен, даром что характер имел, что твой порох. (Заметим в скобках, что люди искушенные все же не раз возражали злым языкам в том смысле, что неизвестно еще, на чью душу пал бы грех, ибо был брат Либет юрок и быстр, как лесной хорек.)

– Не стоит любезным господам так яростно сражаться ... – примиряющее поднял руки зилот Ма-Терий, сидевший между друзьями, и мягкая улыбка озарила его испещренное морщинами лицо.

– И брызгать ядовитой слюной! – не утерпел добавить, перебив его, Либет.

Ма-Терий положил руку на его плечо и повторил с еще большей лаской в голосе:

– Не стоит любезным господам сражаться столь яростно, ибо очевидно, что каждый из них видит со своей башни разные бока одной и той же истины, – он с улыбкой посмотрел на одного и другого, машинально поправляя рукава монашеской рясы, украшенной цветами Великого и Единого – желтым и красным. – Не станет секретом для вас, государи мои, что слова прозелита Куники должны быть более мне по нраву, ибо Великий и Единый ясно говорил устами пророков своих: «Человек есть мера всех вещей, но Я есть мера человека». И потому иные братья мои по вере, будь они, а не я сегодня в этой богоспасаемой корчме, заломили бы себе руки, воплем поддерживая брата Кунику. А лет тридцать назад заломили бы руки брату Либету, и отправили бы его за его «богопротивные», как они сказали бы, слова...

– Мр-р-ракобесы! – снова не сдержался Либет, тыча пальцем в Кунику, что, очевидно, должно было означать уверенность: случись такое, Куника, по мнению Либета, с радостью присоединился бы к «иным братьям по вере».

– Не рычи... – еще более глухо повторил Куника.

– Но я не стану разделять вас еще более, братья мои, – продолжал между тем зилот Ма-Терий. – Ибо ясно вижу: любезный прозелит Куника говорит, что человек есть вершина среди всех материальных явлений вселенной, и стоит особняком – лишь потому, что человек как

творец есть предмет его изучения. Ведь изучает Куника литературу, живопись и все искусства, как доставшиеся нам от предков наших, так и рожденные современниками нашими. Напротив, разлюбезный мой, – тут Ма-Терий улыбнулся Либету, – прозелит Либет изучает вселенную с точки зрения бесстрастных физических материй, и человека как составную часть ее. Между тем, необходимо признать, что человек есть и предмет материальный, ибо рождается, как все живое, живет, умирает и разлагается на двенадцать основных субстанций; и он же есть вершина всех творений, без сомнения, наделенная искрой Великого и Единого...

Еще один свидетель спора – прозелит Порас с факультета астрономии – весело рассмеялся:

– Уже добрый десяток лет, добрые братья мои, слушаю я ваши дурацкие споры... – начал он и тут же был прерван Либетом:

– Ах, дурацкие?! – взвился тот, сжав кулаки.

– Да, дурацкие, – дружеским тоном подтвердил Порас и примиряюще положил руку на плечо Либета. – И наш чудесный друг зилот Ма-Терий только что это, без сомнения, доказал... Так вот, и за все эти десять лет ни один из вас – да что там, из нас – не понял... Короче, никому не пришлось в голову...

– Истинная мудрость – в умении признать собственную неправоту, – еще глуше, чем в прошлый раз, процедил Куника, весь красный от сдерживаемого напряжения. – И я согласен, что предмет нашего спора разнится в зависимости от точки зрения науки, разбирающей сей предмет. Давай же на том и...

– Черта с два! – на этот раз Либет вскочил со скамьи и даже опрокинул глиняную кружку с остатками пива, которую споро подхватил и водворил на место зилот Ма-Терий; пролилось совсем немного. – Точка зрения твоей науки есть точка зрения слюнявого идиота! Физика изучает универсум во всем множестве его проявлений, а значит и тебя, и твою дуболомную "науку" в том числе, из чего выводим, что именно взгляд физика первичен! Что, съел?

– По твоей логике получается, что физика изучает в том числе физику и физиков, изучающих вселенную, а значит, ты сам являешься предметом собственного изучения и, соответственно, не можешь быть объективным наблюдателем, – не сдавался Куника.

Либет набрал было воздуха в рот... но неожиданно остановился.

– Это надо обдумать, – сказал он внезапно изменившимся, совершенно спокойным деловым тоном.

Пенига наблюдал за спором прозелитов с некоторым благоговением – это не было молитвенное благоговение неофита, только что приобщившегося к неудержимому вихрю духовных страстей, который неизменно царил в университетских аудиториях, лабораториях, кампусе и даже тавернах. Пенига уже не один десяток раз был свидетелем подобных споров, и даже участвовал в них, и даже выходил победителем (и даже в словесной дуэли с прозелитом – не без гордости отметил он про себя). И хотя, как и раньше, нутром чувствовал всю ценность научных баталий, в последнее время его не покидало ощущение, что победы и выводы не приближают ученых к истине. Истина как бы скользит мимо них, просачивается сквозь пальцы и, грустно улыбнувшись на прощание, растворяется в океане словесной шелухи.

Но, тем не менее, Пенига чувствовал, что в этот самый момент свершается священнодействие, поклонение величайшей из людских добродетелей – живой, непорочной, виртуозной человеческой мысли.

Из задумчивости аколита вывел голос Куники: прозелит наклонился к его плечу, и уже другим – глубоким и добродушным, хоть и негромким голосом позвал его:

– Брат Пенига, декан Гурен просил меня найти тебя и передать его просьбу, – Пенига тут же весь обратился в слух: Гурен был деканом факультета гуманитарных искусств, занимавшегося литературой, поэзией, музыкой, живописью и историей, под крылом которого работали и

Куника, и Пенига. Раньше декан ни разу не обращался к аколиту с персональной просьбой. – Он просил тебя зайти к нему завтра с утра, до часа Лисы, у него для тебя какое-то поручение.

Куника ободряюще улыбнулся, видя, что его собеседник несколько обескуражен столь необычной просьбой, и внезапно залихватски подмигнул правым глазом:

– Не бойся, это не нагоняй. Возможно, это будет твой шанс проявить себя... А пока – поторопи-ка хозяина, где он там запропастился со своим пивом! Видишь, у старших братьев кружки опустели?! – и Куника громогласно расхохотался.

5.

Факультет гуманитарных искусств занимал просторное двухэтажное здание в округе Трициркула, на углу улицы Дуоциркул и улицы Пророка Инилии. Внутри пахло сыростью. Пенига поднялся по скрипучей деревянной лестнице с резными балясинами, украшенными изображениями ангелов и гаргулий, и на полминуты остановился перед дверью кабинета декана, обитой тисненой кожей.

Откинув капюшон плаща, он отдышался, попытался пригладить намокшие от вездесущего дождя волосы и пожалел, что не может так же привести в порядок свои разбредшиеся, словно овцы без пастуха, мысли. "Держи ум свой в строгости и не умножай сущности без нужды", – сама собой вспомнилась ему суровая максима отца Кон-Банениса, и, как ни странно, Пенига почувствовал, что эта отточенная временем мудрость придала ему уверенности. Он мимолетно улыбнулся такому поучительному явлению, и не преминул отметить это движение души, чтобы внутри себя улыбнуться этой улыбке.

Пенига постучал дверным молотком и вошел, услышав дозволение.

Секретарь декана, сонно облокотившийся о стол, кивнул аколиту:

– Декан ожидает тебя, брат. Просил впустить сразу, как придешь.

Пенига ответил кивком и прошел в дверь у окна, чтобы почтительно остановиться у стола красного дерева. Декан Гурен, подвижный миниатюрный старик с длинной седой бородой, неожиданно радушно улыбнулся гостю. Пениге нечасто доводилось бывать в святой святых факультета – и обычно его здесь встречали совсем иначе. Как-то, еще при прежнем декане, с парой своих закадычных друзей и двумя девками из Веселого квартала они ночью пробрались в аудиториум факультета, "дабы предаться возлияниям неумеренным и блуду"... Необратимые повреждения понесла мраморная статуя благодетеля факультета – регента Главра. У нее был сколот левый ус и кончик носа – что сказать, крепкая была статуя...

– Добрый день, брат аколит, – сказал Гурен, усаживая Пенигу и вновь улыбнувшись его неуверенному ответному приветствию. Гостевое кресло, в которое погрузился Пенига, приняло его с завидной мягкостью. – Как продвигаются твои штудии?

– Благодарю, почтенный брат, вполне успешно, как мне кажется, – кивнул Пенига. – Не далее как вчера добрался до 14 тома Имперской истории...

– Крайне интересно будет взглянуть на результаты твоей работы, дабы узнать, не подверглись ли я и мои братья "влиянию мифов о временах поздней Империи и Последнем монархе" – с добродушной усмешкой подхватил декан; Пенига тут же припомнил, что среди авторов 14 тома указан и "прозелит Гурен", и почему-то покраснел.

– Я постараюсь быть максимально объективным... – забормотал молодой человек.

– Нечего, не беспокойся брат, – рассмеялся декан. – Нас, прогорклых книжных червей, порой полезно бывает протянуть по усам и дернуть за бороду, чтобы не слишком задавались. Но – только порой, так что не переусердствуй! – с потешной грозой добавил Гурен, и Пенига счел за лучшее лишь улыбнуться шутке и развести руками – дескать, не от меня зависит. – Я припоминаю твой дипломный трактат, ты вроде бы неплохо отточил этого старого дурака Зуипека, накрутившего черт-те-что в хронологии Второй династии.

– Но я не мог не отдать должное его блестящим догадкам о причинах свержения Мике-рина II, – дипломатично ответил аколит, на что декан удовлетворенно покивал.

– Что есть – то есть, Зупек хоть и дурак, а хватки настоящего прозелита никогда не терял. Но я слышал, что с тех пор ты добился немалых новых успехов, – Гурен чуть сменил тон, и Пенига понял, что он наконец собрался перейти к делу. – Брат Куника очень лестно отзывался о твоей диссертации.

– Я лишь просил его совета в некоторых сложных для меня областях...

– Полно, – прервал аколита Гурен. – Что-что, а заметить настоящий талант ученого – это дар Великого и Единого нашему доброму брату Кунике. Как только я спросил его, не подберет ли он толкового аколита для одной крайне важной и необычной работы – он без раздумий назвал твое имя. Ну как, берешься?

Пенига на несколько секунд замолчал. С одной стороны, то, что говорил декан, было до невозможности лестно. С другой... "Уж не кровлю ли меня крыть отправят?" – тут же мелькнула предательская мысль.

– Зависит от работы – справлюсь ли?

– Не беспокойся, дело достойное твоих талантов, брат, – словно прочитав мысли Пениги, ответил декан. – Регент Кастор лично попросил меня предоставить ему в помощь вдумчивого молодца-историка для срочной разборки каких-то важных архивов.

– А как же мое исследование? – привстал вдруг Пенига, тоскливо представив гору пыльных нечитаемых рукописей. Но Гурен не собирался поощрять в аколите самую постыдную для ученого слабость – лень.

– Отложишь на время, – равнодушно пожал плечами старичок. – Не думаю, что это поручение отнимет у тебя больше, чем пару недель. Поможешь, чем сможешь, Республике, а там вернешься к побитым молью деяниям императора Асихиса. Ну так как, наконец? Неужто не решишься, брат аколит?

6.

Улица Уноциркул, когда-то бывшая высочайшей в Мемфисе крепостной стеной, окружала Капитульный холм почти у самого подножия. Одним этажем ближе к вершине, вдоль обрывов, обнажавших скальное основание холма, возвышались башни и куртины Алого замка – название как никакое другое подходило ему благодаря характерному цвету известняка, пошедшего на материал для стен. На самой вершине холма сияли позолотой крыши Векового дворца – это прозвище очень точно отражало срок, потребовавшийся на его строительство (при этом первые пару сотен лет после закладки грандиозного сооружения любой, неосторожно назвавший так Златоглавую Тысячевечную Обитель, рисковал остаться без языка, однако потом язвительное прозвище прижилось).

Осенью державное сияние куполов дворца растворилось, словно смытое дождем, и сейчас они уже не манили своим блеском, а случайно брошенный взгляд равнодушно проскальзывал мимо них, утомленный тусклым желтым цветом. Пенига быстро поднимался по Королевской улице – единственной дороге, ведущей в Алый замок. Редкие прохожие торопились спрятаться от холодных струй под навесами расстилавшегося внизу города, да и сам аколит спешил как можно быстрее добраться до спасительной крыши Векового дворца.

Вход в Городскую управу находился в боковом флигеле дворца – неприметная дверь, ранее предназначавшаяся лишь для поварят, да трубочистов. Теперь же дорога сюда была проторена сотнями ног самых маститых оптиматов, кичившихся тем, что им никогда не приходилось даже приближаться к службам своих роскошных особняков в Дуоциркуле. Пенига не сомневался, что такой выбор помещения был неслучаен: все слышанное им о Касторе свидетельствовало, что регент терпеть не может наследственную аристократию.

Перед простой деревянной дверью под вывеской "Городская управа" томился одинокий стражник с алебардой, не обративший на аколита никакого внимания, когда он отворил вход в святая святых Мемфиса и проник в длинный темный коридор, в который слева и справа выходили ряды дверей. На лавках вдоль стен восседали маститые посетители – сплошь купцы и оптиматы в дорогих роскошных нарядах. Пениге никогда раньше не приходилось бывать здесь, и он, остановив норовившую прошмыгнуть мимо него миловидную рыжеволосую служанку, спросил, где он мог бы найти господина регента.

– Налево по коридору, самая дальняя дверь, сразу за моим кабинетом, – с улыбкой ответила служанка, и аколит, ответив благодарным кивком, уже собирался свернуть туда, куда указала ему молодая девушка, как вдруг еще не оформившееся удивление заставило его приостановиться. Он обернулся и разглядел, что в руках у девицы была не метла или таз, а целая кипа разнокалиберных бумаг. Проскользнув за одну из выходивших в коридор дверей, девушка исчезла из виду.

Пенига шел по ответвлению коридора, с неослабным вниманием читая таблички на дверях, еле видные в слабом свете, сочившемся через убогие оконца под самым потолком. "Канцелярия", "Префектура", "Дорожный приказ", "Приказ городского планирования", "Архив", наконец, "Управский голова" с припиской ниже "регент Кастор". Не веря своим глазам, Пенига вернулся по коридору назад: действительно, ближайшая к регентской дверь вела вовсе не в кладовку или кухню.

Пенига пару раз слышал, что регенты подчас нанимают на работу девиц, но ему и в голову не приходило, что кто-то может доверить женщине что-либо более ответственное, чем уборка или готовка.

Постаравшись привести мысли в порядок, аколит постучал в дверь регента и дождался позволения войти. За конторкой в небольшой комнатке сидела светловолосая девушка с чуть раскосыми глазами, поигрывавшая стилем в тонких изящных пальцах; перед ней лежала солидная конторская книга. Никогда еще Пениге не приходилось видеть более обескураживающего зрелища.

– Добрый день! – приветствовала аколита секретарша. – Ожидает ли регент почтенного брата? – добавила она, видимо, разглядев фасон университетского плаща.

– Э-э... возможно, – неуверенно протянул Пенига. – Пожалуй, да. Доброго дня!

– Как представить любезного брата? – улыбнулась девушка, и тут аколит рассмотрел на ее конторке табличку в треугольной подставке: "Г-жа Евдория, секретарь". Больше никаких сомнений быть не могло.

– Аколит Пенига, по рекомендации декана Гурена.

Евдория что-то мило мурлыкнула про себя и просочилась в располагавшуюся за ее конторкой дверь, чтобы уже через мгновение вернуться и прощепетать:

– Проходи, достойный брат Пенига, регент ожидает тебя.

Регенту должно было быть уже около сорока, но, как поначалу отметил Пенига, выглядел он очень молодо. Ни орлиного профиля, ни сияющих пронзительных глаз аколит не обнаружил на его лице: лицо как лицо, и платье самое обыкновенное – ничем бы не выделился регент Кастор из толпы, встретить он Пениге на улице.

– Любезный прозелит Пенига! – поздоровался регент, вставая из-за простого, без излишних резных украшений, но добротного сработанного стола и протягивая визитеру руку. Пенига обратил внимание, что вся обстановка кабинета отличалась неожиданной скромностью: лишь грубые деревянные полки, видимо, оставшиеся еще с того времени, когда это помещение служило кладовой или мастерской для слуг Последнего монарха, заполненные бумагами и книгами, да несколько убогих стульев. Разве что кресло регента выделялось резными подлокотниками и удобной, обитой тисненой кожей спинкой – явно из императорских покоев.

– Аколит, прошу прощения у регента, – поправил Пенига.

– Аколит? – брови Кастора удивленно приподнялись, когда он крепко пожимал руку посетителя. – Ну что ж, если добрый декан посчитал, что ты справишься... – регент указал Пениге на стул и сам вернулся в кресло. Простой стул оказался на удивление комфортным и позволял не отличавшемуся высоким ростом аколиту смотреть прямо в глаза хозяину кабинета.

Регент замолчал, внимательно изучая лицо визитера, и вскоре Пенига не выдержал:

– Чем могу быть полезен господину регенту? – хрипло спросил он и прокашлялся.

Кастор ответил не сразу, но прекратил свои наблюдения за аколитом, похоже, размышляя, как ловчее подойти к делу.

– Видишь ли, любезный брат... – наконец начал он, – у меня действительно есть одна непростая работа, требующая, помимо определенных умений, еще и особой деликатности... Простительно ли будет поинтересоваться возрастом почтенного аколита?

– Мне двадцать семь лет, – не без вызова ответил Пенига.

– И все еще в аколитах? – спросил регент, но Пенига не почувствовал в его вопросе ни тени издевки.

– Я очень серьезно подхожу к трудам над своей диссертацией, – как можно более солидно ответил Пенига.

– Что ж, похвально! – поддержал Кастор и, похоже, наконец решился перейти к делу. – Известно ли почтенному брату о событиях двенадцатилетней давности?

Пенига лихорадочно соображал, перебирая варианты.

– Любезный господин имеет в виду безуспешный мятеж экс-регентов Валерия и Репиры? – наконец бросил он пробный камень и, судя по улыбке, заигравшей на губах Кастора, попал прямо в цель. Но затем удовольствие от сметливости собеседника сменилось на его лице непритворной грустью.

– Наш бывший брат Валерий доставил нам много тревог и печалей, – подтвердил Кастор. – И боль от этой потери до сих пор терзает сердца многих из нас. Редко когда граждане Республики отваживаются заговаривать с кем-либо из регентов о попытке Мартовского государственного переворота. Да и между собой обычно находим мы более приятные темы для бесед. Честно говоря, за последние десять лет я не помню ни единого такого разговора... Могу ли я поинтересоваться, что известно почтенному брату о тех прискорбных событиях?

– Ну что ж, – с апломбом начал аколит, словно отвечая на экзамене. – В первую очередь можно назвать труд прозелитов Шефины и Цукелы, сокращенно называемый "Общая хронология". Это исследование подробно описывает историю последнего столетия вплоть до событий Короткой войны с Торговым союзом, имевшей место шесть лет назад. Далее, небольшой трактат того же прозелита Шефины, посвященный сравнительной характеристике причин и поводов массовых волнений, в котором значительная часть посвящена и Мартовскому мятежу... Пожалуй, все, что мне попадалось.

– Помнишь ли ты сам что-либо о тех временах? – вдруг напрямик спросил Кастор, и его слова заставили Пенигу смутиться.

– Почти ничего, господин регент. Я тогда был еще простым подмастерьем своего отца-каменщика и редко выбирался из Септоциркула... Помню лишь, что смерть Валерия наделала много шума. Мой отец даже собирался пойти на лобное место, где зачитывали посмертный приговор, но, по своему обыкновению, слишком напился... – Пенига спохватился и покраснел.

Кастор сделал вид, что не обратил внимания на минутную слабость собеседника.

– Что ж, пожалуй, это даже хорошо, – словно думая вслух, заключил он. – Значит, ты сможешь подойти к этому делу беспристрастно... Прозелит Шефина! – кивнул он. – Я помню сего почтенного ученого мужа. Он несколько раз терзал меня, пытаясь вызнать подробности безумной проделки Валерия... Хотя... Как он поживает, кстати?

– Великий и Единый упокоил досточтимого Шефину прошлой зимой.

– Ага... – Кастор замолчал, потом поспешно добавил, – мир праху его. А что насчет того, второго?

– Прозелит Цукела? Он живет и здоровствует. Но, насколько я знаю, брат Цукела никогда не занимался мятежом Валерия в работе над "Общей хронологией", это была целиком вотчина брата Шефины.

– Хорошо же, – Кастор снова ненадолго задумался. – А что любезный брат думает о предавшем идеалы Республики экс-регенте?

– Доброго господина интересует мое мнение о его моральных качествах, или о положительной программе его неудавшегося переворота? – уточнил Пенига.

– Так как почтенный брат не был лично знаком с Валерием, оставим его моральные качества в стороне, ибо двум умным людям незачем зря тратить время на лукавство.

Пенига завел глаза к потолку:

– Насколько я помню, Валерий собирался свергнуть Республику и восстановить монархию, посадив на трон наследника Псамметиха IV.

– Может ли любезный брат дать оценку этому стремлению экс-регента? – казалось, лицо и тон Кастора ничуть не изменились, но аколит отчетливо почувствовал, что его ответ на этот вопрос – ключевое звено в цепи сегодняшней беседы, а потому дал себе труд собраться с мыслями.

– Честно говоря, не знаю, что сподвигло экс-регента на его безрассудный мятеж, – наконец ответил Пенига, стараясь говорить по возможности просто, отойдя в сторону от суконных формул, которыми обычно описывались деяния Валерия. – Разве что личная корысть, которую предполагал он в узурпации власти. Я никогда не занимался напрямую политикой или философией, но мне кажется, что нет никакого пути в реставрации монархии – это тупик, из которого рано или поздно все равно пришлось бы выбираться.

Кастор ненадолго замолчал, обдумывая слова собеседника, и наконец, как показалось Пениге, удовлетворенный его ответом, продолжил:

– Ну что ж, должен признать... кстати, могу ли я попросить любезного брата до последующего специального уведомления не разглашать никому деталей нашей беседы, как и прочих сведений, что станут ему известны в результате работы над нашим особым поручением?

– Конечно, – пробормотал Пенига и взволнованно глотнул.

– Так вот, должен признать, – снова начал Кастор, – что мой рассказ прозелиту Шефине, как и рассказы моих братьев-регентов о том печальном событии... не во всем соответствуют истине. А в свете недавних изменений в политической сфере, как мне показалось, та история с мятежом приобретает некоторое новое значение... Впрочем, я никогда не любил говорить загадками, как мой почтенный брат-регент Нестор! И терять время в бесплодных беседах, как мой не менее почтенный брат-регент Приам. Особенно когда говорить может документ. Во время ареста Валерия было обнаружено немало бумаг, которыми после его смерти фактически никто не занимался. В силу некоторых причин я посчитал, что именно сейчас было бы полезным разобраться в этих бумагах. Правильно ли я понял, мой добрый аколит Пенига, что ты имеешь некоторый опыт работы с архивами?

– Мой наставник прозелит Куника неоднократно выделял мое усердие в подобных штудиях. И, как я понял, именно его рекомендация послужила причиной, по которой декан Гурен остановил свой выбор на мне, рассматривая кандидатуры для выполнения задания почтенного регента.

– Ну что ж, большего мне и не требовалось, – кивнул Кастор. – Бумаги хранятся у одного из моих помощников, среди прочих в архивном приказе. Я уже дал соответствующие распоряжения: тебе будет оказано все необходимое содействие, досточтимый брат.

– А что именно я должен искать? – поинтересовался Пенига.

– Хороший вопрос... зависит от того, что ты найдешь. Может быть, в бумагах Валерия и вовсе нет ничего интересного... Ознакомься с документами из его архива, составь на всякий случай их перечень, сделай краткую выжимку, а затем вновь посети меня, тогда и посмотрим. Моя дверь открыта для тебя, мой добрый аколит, в любое время.

– Я сделаю все, что в моих силах, любезный господин, – ответил Пенига, почувствовав, что пора откланяться. И, поднимаясь, задал последний вопрос, – а как зовут помощника господина регента, к которому я должен обратиться?

– Госпожа Наллея.

7.

Пенига, конечно, не раз слышал о школе для юных девиц, организованной регентами Приамом и Кревиллом. Но так как располагалась она не в Мемфисе, а в Папремисе, то – до сего дня думал аколит – ему никогда не приходилось встречать ее выпускниц. Между тем, как неожиданно обнаружил он, образованные дамы внешне ничуть не отличались от прочих горожанок, и давно уже занимали места, испокон веков считавшиеся предназначенными исключительно для мужчин.

Собственно, традиционными для женщин были лишь самые непритязательные занятия, вроде работы кухарок, горничных, торговок и проституток – и Пенига раньше просто подумать не мог, что исконно заведенные порядки могут быть изменены.

"Что-то скажут университетские неофиты, когда в их рядах обнаружатся девицы? – с мысленной усмешкой подумал он, ожидая, пока госпожа Наллея обнаружит среди пыльных бумаг архивы Валерия. – И как поведут себя аколиты, когда первая из них получит диплом? Наконец, что будет твориться в университете, когда первая из женщин закончит свою диссертацию и получит прозелитскую мантию?.." – последняя мысль окончательно расстроила представления Пениги об объективной реальности. Перед его мысленным взором встала залитая солнечным светом аудитория, на кафедре которой с суровым видом стояла юная Наллея, а добрых три десятка неофитов за конторками внимали каждому ее слову, поминутно делая записи в своих ученических тетрадах. "Фантазмагория", – вдруг родилось в его голове слово, вычитанное в какой-то старинной инкунабуле – слово, которое до сего дня Пениге никогда не хотелось употребить.

"Ничего странного, что регенты не торопятся трубить о таких нововведениях на каждом перекрестке, – подумал он. – Если у меня они вызывают оторопь, то что подумал бы о них любой лавочник из Квинквециркула, привыкший воспринимать женщин как службу или как..." – внутренняя цензура не дала ему закончить мысль.

И тут же Пенига, всегда с некоторым пиететом отделявший себя от непричастных к учению пополанов, попытался понять, что же его так обескураживает в том, что девица заведует архивом в Городской управе? Разве женщины не оказываются подчас добрее и умнее мужчин? Разве не могут они обучиться чтению, письму и счету?

– Это еще не все, – прервала его размышления Наллея, опуская на стол кипу разнокалиберных бумаг и тетрадей. – Должны быть еще позиции под грифом "Валерий". Я поищу немного позже – пока ведь тебе этого хватит, почтенный брат? – и на ее рыженьком лисичкином лице заиграла такая милая и обезоруживающая улыбка, что Пенига не мог не расплыться в ответ.

– Думаю, что ближайшие пару дней можно на сей счет не беспокоиться.

Кроме них а архиве работали еще только два немолодых чиновника, один полный, другой тщедушный, как лучина, но оба одинаково посеревшие от усталости и сырости. Поэтому Пенига без труда выбрал себе удобную конторку, расположил свечу на подставке и попытался углубиться в чтение, но то и дело перед мысленным взором его вставали лукавые зеленые глаза,

и тогда он невольно бросал взгляд на хозяйку архива, любовался, как заправляет она за нежное ушко свои огненные волосы.

8.

Избранные отрывки из Дневника Валерия
составил аколит Пенига в год Волка, 19 год после свержения Последнего монарха

Год Стены (2-й год после свержения Последнего монарха – здесь и далее в скобках прим. составителя), 14 ноября

Я никогда еще не видел такого ужаса. Три дня назад словно само море поднялось в небеса и обрушилось на землю. К вечеру вода поднялась так, что нижние четыре циркула были затоплены. Вода вымывала нечистоты из выгребных ям, полчища крыс плавали в этой омерзительной жиже, пытаясь найти спасение. Улицы превратились в смердящие реки, и никто не рисковал покинуть убежища – крыши и вторые этажи домов.

За последние три дня и две ночи я спал не больше пары часов, урывками, и сейчас, хотя сил уже едва хватает держать стило, продолжаю писать, потому что стоит сомкнуть веки – я вижу раздутые от влаги трупы, плывущие по улицам. Если не запишу все, чему стал свидетелем, сейчас – не знаю, хватит ли мне духу сделать это позже.

На второй день хлипкие трущобы Септоцирукла и даже казавшиеся прочными дома Сиксцирукла начали рушиться, подточенные стихией. Среди царящего в Алом замке хаоса я смог найти лишь братьев-регентов Шульгу, Игнатия и Николая – или это они смогли найти меня. Мы собрали всех, от кого мог быть хоть какой-то толк, наспех соорудили плоты и отправились спасать тех, кого можно было спасти. К этому времени в Трициркуле воды было уже по колено.

Люди сидели на крышах, мокрые и грязные, из последних сил отбиваясь от крыс, или уже не отбиваясь. Вода, видимо, размыва кладбище святого Идеро-Бениги, и пару раз я видел плывущие гробы. На одном из них из последних сил держался мальчик лет восьми. Нам удалось посадить его на плот и, среди прочих спасенных, отвезти в Обитель семи плачущих сестер. Не знаю, остался ли он в живых, но когда я видел его в последний раз, мальчик был уже без сознания и бредил.

Многие пытались плыть, ухватившись за любой клочок дерева, или брести по улицам по шее в жиже в сторону Капитульного холма. Когда мы поднимали их на плоты, нередко обнаруживалось, что у них переломаны руки или ноги.

Я был свидетелем того, как крыша какой-то лавки в Квинквециркуле обрушилась под тяжестью воды и тех несчастных, что мечтали найти на ней свое спасение. Мы нашли под обломками не меньше дюжины тел и только четырех выживших.

Иногда, выживая из воды человека, я не мог определить, жив он или мертв. Если становилось очевидным, что душа покинула тело, мы сбрасывали его назад в воду, чтобы освободить место для живых.

Четырежды, или даже больше раз, мы натыкались на свежесколотенные банды мароде-ров. Три из них разбежались, увидев оружие и нашивки стражников на плащах моих спутников, но один раз нам даже пришлось вступить в бой. Это был апофеоз безнадежности – сражаться не на жизнь, а на смерть среди гор трупов, теряя на убийство драгоценное время, которое можно было бы потратить на спасение еще живых. Несмотря на дождь, я уверен, что видел, слезы на лице Игнатия, когда он вонзал меч в тело одного из бандитов.

Двое стражников, моих товарищей, были ранены в той схватке, их чудом удалось довести до Обители семи – когда оказалось, что сестрам уже некуда положить страждущих.

Я не знаю, как мы сможем пережить это.

18 ноября

Дождь прекратился два дня назад, и вода уже почти спала. Город превратился в некрополь, каким-то темным заклятием вытянутый со дна морского. Мы изо всех сил пытаемся хоть как-то вернуть в него жизнь, а время работает против нас: вот-вот пойдет снег.

23 декабря

Сегодня все регенты согласились, что необходимо разработать дренажно-канализационную систему для столицы, а потом, используя ту же технологию, распространить ее на другие города. Я считаю это своей личной победой. Надеюсь, что никто не будет возражать, если за это дело возьмусь именно я.

Вечером я заглянул в Обитель – Явель (судя по пропущенным записям, мальчик, спасенный Валерием в дни потопа) поправляется. Он не помнит, живы ли, и кто были его родители. Если в ближайшее время они не обнаружат себя, я усыновлю его.

Год Висельника (3-й год после свержения Последнего монарха), 11 сентября

Сегодня снова шел дождь. Работники промокли до нитки и целый день практически без пользы ковырялись в грязи. Видимо, вскоре работы придется прекратить до весны будущего года.

Год Пшеницы (4-й год после свержения Последнего монарха), 4 апреля

Сегодня прочитал роман некоего Луреты "Восшествие тридцати". Почему-то сам Лурета называет это историческими исследованиями, но по правде то, что он накопал, больше похоже на сказку. Не знаю, кто из моих братьев-регентов и зачем наплел ему этой чуши про то, как мы свергли Последнего монарха. Но боюсь, что именно эта "версия" получит самое широкое распространение. (Исследование прозелита Луреты "Восшествие тридцати" считается самым полным и точным описанием событий, имевших место в год Птицы и прозванных впоследствии свержением Последнего монарха. От дня казни Последнего монарха Псамметиха IV ведется летоисчисление Республики.)

28 сентября

Не знаю, как и благодарить университетских прозелитов! Сегодня ректор Визела наконец-то порадовал меня находкой. В каких-то давно забытых имперских архивах они откопали планы катакомб, составленные лет сто пятьдесят назад. Конечно, многие проходы давно засыпаны или обвалились – но, тем не менее, это возможность значительно облегчить работу. Я пока успел бросить на планы лишь беглый взгляд, но, судя по всему, катакомбы простираются не только под центральными циркулами, но подо всем Мемфисом, до Септоциркула включительно. Иногда даже в нескольких уровнях. Завтра же организую два или три отряда искателей, чтобы обнаружить все входы в Уноциркуле и Дуоциркуле, а затем будем планомерно обследовать подземелья и обновлять планы.

29 ноября

Как я и предполагал, наступление зимы здорово облегчило нам жизнь: мы больше не рискуем нечаянно затопить катакомбы, открыв давно запечатанные входы, при этом под землей сейчас даже теплее, чем на улице. Я предполагаю, что в катакомбах круглый год стоит одна и та же температура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.